

В первой части поэмы появляется интонационная тема Евгения с ее ритмико-интонационным лейтмотивом — переносами. В черновиках образ Евгения подчеркнута принижен (путем тщательного подбора лексики и увеличения числа переносов), что явно противоречит предлагаемой Н. В. Измайловым «тенденции к снижению и прозаизации» образа Евгения.²⁸ Описание «возмущенной стихи» в черновике более развернуто, чем в окончательном тексте; налицо стремительность стихийного бедствия (в отличие от постепенного нагнетания экспрессии в окончательном тексте). Присутствующие в черновиках комические моменты в окончательную версию не включены вследствие их контраста с трагической тканью стиха. Во второй части поэмы наиболее ярко проявляется взаимопроникновение, смешение интонационных тем — более явно это прослеживается в окончательном варианте. Здесь наличествуют отголоски образа «возмущенной стихи» (более выпуклые в черновике), главенствующее место в начале второй части занимает интонационная тема Евгения, затем она как бы растворяется в теме Медного всадника и вновь появляется в финале поэмы. Произведение Пушкина, по мнению Л. В. Пумпянского, кончается типично-одическим «заклинанием» Невы.²⁹ По черновым рукописям второй части можно проследить эволюцию образа Евгения в сознании Пушкина.

Работа над интонационной системой поэмы «Медный всадник», с одной стороны, демонстрирует специфику, водоразделы и диффузию различных интонационных тем в поэме, с другой, показывает глубокую, стремительно эволюционирующую работу поэта над созданием персонажей и концепцией поэмы. Изменение интонационной системы поэмы от первоначального замысла Пушкина к окончательному тексту носит существенный и даже радикальный характер.

²⁸ Измайлов Н. В. «Медный всадник» А. С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения. С. 197.

²⁹ Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века. С. 105.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-91-97

© Н. А. ПАРШУКОВА, © Е. А. РОМАНОВА

ОБ ОДНОМ ВОЗМОЖНОМ ИСТОЧНИКЕ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

Академик М. П. Алексеев в известной статье 1956 года¹ указал на оду Г. Р. Державина «На счастье» (1789) как на возможный источник «Пиковой дамы», «обеспечивший хронологическую точность при сопоставлении двух, казалось бы, столь далеких друг от друга событий — первого опыта воздухоплавания и открытия гипноза как врачебного средства».² По мнению исследователя, обращение А. С. Пушкина к державинскому тексту в поисках исторического колорита для повести и точных «признаков времени» при описании спальни старой графини «представляется и естественным, и вполне

¹ Алексеев М. П. Пушкин и наука его времени (Разыскания и этюды) // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 9–125.

² Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 116.

закономерным»: в образную ткань оды на символическом уровне вписан и «шар Монгольфьера», и явление животного магнетизма.³

Однако стоит обратить внимание на то, что оба эти «знака эпохи» у Державина на смысловом уровне никак не выделены среди чрезвычайно разветвленной системы образов и сравнений. В тексте они расположены достаточно далеко друг от друга и внутренне не связаны между собой (счастье в одном случае уподобляется в оде «шару Монгольфьера», который «упадает куда случится», в другом — оно сравнивается с воздействием животного магнетизма⁴). Их специфической «французский» колорит в произведении, наполненном российскими реалиями (от «успехов российского оружия» до дровяных и сенных магазинов, учрежденных Екатериной), едва угадывается. В дополнение к сказанному отметим, что комментарии самого Державина на строки, в которых упоминается животный магнетизм, отсылают читателя к событиям в пределах местной географии — опытам с животным магнетизмом, имевшим место в Петербурге в 1786 году.⁵

Между тем очевидно, что интересующий нас отрывок «Пиковой дамы» призван на образном уровне закрепить «парижский след» в биографии старой графини. Как справедливо указывал Алексеев, «все вещи, украшавшие спальню, свидетельствовали прежде всего о Париже XVIII в.»⁶ В этой связи кажется более естественным и закономерным обратить внимание не на русский, а на французский круг возможных источников, которые могли послужить основой исторического колорита применительно к интересующему нас отрывку.

Одним из таких источников мы считаем сочинение известного французского журналиста, писателя, историка и антиквара Ж. Тушар-Лафоса «Летописи круглого окна», первое издание которого вышло в восьми томах в Париже в 1830–1832 годах.⁷ На протяжении всего XIX века эта книга, представляющая собрание исторических анекдотов из жизни королевского двора времен правления Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI, пользовалась огромной популярностью у читателей, ее неоднократно переиздавали и переводили на иностранные языки. Можно найти ее и в каталогах библиотек современников Пушкина. Так, издание 1845 года обнаруживается, например, у В. Ф. Одоевского,⁸ а также в собрании книг графини А. С. Шереметевой.⁹ Возможно, имелось данное сочинение и у Пушкина. По крайней мере в каталоге, составленном Б. Л. Модзалевским, числится четвертый том первого издания.¹⁰

И полеты на аэростате братьев Монгольфье, и феномен животного магнетизма подробно представлены в «Летописях круглого окна» под соответствующими датами. Впервые о «чудесном средстве» доктора Месмера, которое вот

³ Там же. С. 117.

⁴ Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. [и предисловием] Я. Грота: В 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 1. С. 255, 245.

⁵ См.: [Державин Г. Р.]. Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елисавете Николаевне Львовой в 1809 году, изданные Ф. П. Львовым: В 4 ч. СПб., 1834. Ч. 1. С. 20.

⁶ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. С. 116.

⁷ [Touchard-Lafosse G.]. Chroniques pittoresques et critiques de l'Œil-de-Bœuf, des Petits Appartements de la Cour et des Salons de Paris, sous Louis XIV, la Régence, Louis XV et Louis XVI / Publiées par M-me la Comtesse Douairière de B***: En 8 vol. Paris, 1830–1832. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁸ Каталог библиотеки В. Ф. Одоевского. М., 1988. С. 458.

⁹ Библиотека графа С. Д. Шереметева: В 2 т. СПб., 1892. Т. 2. С. 60.

¹⁰ Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки <А. С. Пушкина> // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 194.

уже несколько месяцев занимает умы «восторженных почитателей новизны», сообщается в третьей главе восьмого тома, где описаны события 1779–1781 годов (8, 296–297). В связи с «Пиковой дамой» любопытно отметить, что первый выход на сцену животного магнетизма происходит у Тушар-Лафоса на фоне карточной игры. С двух сторон отрывок обрамлен упоминаниями об увлечении двора азартными играми («Все теперь играют при дворе, даже Людовик XVI»;¹¹ 8, 293), об огромных проигрышах («Возвратимся к придворной игре: отмечу здесь для справки, что, желая уладить свои счета с господином де Шалабром, граф д'Артуа заплатил ему сто тысяч экю наличными, а также дал обеспечение на пятнадцать тысяч годового дохода»; 8, 294) и о моде на игру в фараон («...в Версале или в Марли все крупно проигрываются в фараон, и вместо веселых развлечений процветает мошенничество в игре»; 8, 312).

В следующей, четвертой, главе восьмого тома помещен подробный рассказ со множеством деталей об удивительном изобретении братьев Монгольфье — аэростате — и опытах, которые проводились в городе Анноне, затем в Париже и в Версале (8, 352–356). Фрагмент заканчивается следующим пассажем: «В то время как я пишу, только и слышны разговоры, что об аэростах; газеты полны статьями об этом открытии; оно вдохновляет поэтов всех мастей; только ему и воздают хвалу: все охвачены иступлением и восторгом» (8, 356). И наконец, в пятой главе, повествующей о событиях 1784–1786 годов, происходит знаменательная встреча двух громких «изобретений» своего времени: животный магнетизм и Монгольфьеров шар попадают в непосредственное соседство, их разделяет всего несколько абзацев.

Оба явления позиционируются в тексте как чрезвычайно популярные феномены, приковывающие к себе всеобщее внимание. Свое решение посетить модные магнетические сеансы придворная дама, от лица которой ведется повествование, объясняет нежеланием оказаться предметом насмешек, поскольку «признаться в том, что ты не видел заведения Месмера, изобретателя животного магнетизма, означает выставить себя в смешном свете» (8, 373). Далее, после развернутого описания магнетических процедур с применением знаменитого «баке», следует довольно неожиданное для общей игривой тональности сочинения заявление: «По правде говоря, нельзя не признать в этой таинственной силе некую неизвестную первопричину, подчиняющую себе природу: это необъяснимый феномен» (8, 375). Новый виток рассказа о полетах на воздушном шаре (в Версале и в Сен-Клу) также начинается с указания на огромный интерес публики к этому явлению: «Не могу не перейти к аэростатам, которыми двор и город заняты как никогда» (8, 380).

Таким образом, мы можем констатировать, что все три феномена — Монгольфьеров шар, Месмеров магнетизм и карточная игра, — которые позволили Алексею увидеть в оде Державина «На счастье» один из вероятных источников «Пиковой дамы», присутствуют и в «Летописях круглого окна» Тушар-Лафоса, причем в значительно более развернутом виде и с более точной хронологией. В отличие от державинского стихотворения французское сочинение создает аутентичную картину придворной жизни Версаля конца XVIII века, в которую в качестве составляющей части вписаны и открытие Месмера, и изобретение братьев Монгольфье. Оценка обоих явлений, вложенная автором в уста вымышленной современницы, позволяет в итоге дать ответ на вопрос, почему «два, казалось бы, столь далеких друг от друга события» были введены Пушкиным в описание спальни графини как маркеры «французского контекста». Как указывают специальные исследования, во французской прессе 1780-х годов и в сознании современников полеты на аэростате

¹¹ Здесь и далее перевод с французского сделан Е. А. Романовой.

и животный магнетизм шли рука об руку, нередко пересекаясь.¹² Именно так они и предстают в «Летописях круглого окна».¹³

Дополнительным аргументом в пользу данного произведения как возможного источника французской составляющей «Пиковой дамы» служит, на наш взгляд, присутствие в этом сочинении еще одного крайне важного для пушкинского сюжета «символа эпохи». Мы имеем в виду графа Сен-Жермена. Хронологически он появляется в «Летописях...» несколько раньше рассказов об аэростатах и животном магнетизме, в двадцать второй главе шестого тома, где изложены практически все основные части его мифа (6, 310–326), однако тень этого таинственного персонажа осеняет и главу, повествующую о чудесных «изобретениях» начала 1780-х годов. Спустя несколько страниц после описания неудачного приземления герцога Шартрского и строк, посвященных философу Дидро, следует сообщение о смерти Сен-Жермена, «человека, долгое время вызывавшего восхищение у этой столицы своим непостижимым обаянием, роскошью и богатством, источник которых никому не был известен, а также искусством говорить о самых отдаленных временах таким образом, что суеверные люди были убеждены, что этот удивительный человек прожил не одно столетие» (8, 389).

Анализируя образ Сен-Жермена у Пушкина, В. Шмид, кроме записок Казановы, указывает еще два французских источника, из которых поэт мог почерпнуть информацию об этом историческом лице: мемуары мадам де Жанлис и воспоминания Ж.-Л. А. Кампан.¹⁴ Думается, данный список можно расширить, включив в него мемуары госпожи дю Оссэ¹⁵ и «Летописи круглого окна» Тушар-Лафоса. В книге последнего, помимо широко известных историй — о беседах Сен-Жермена с Людовиком XV, о восстановлении королевского бриллианта, о курьезном случае с мадам де Жержи, о феноменальных дарованиях графа в музыке, живописи, языках, — имеется упоминание и о его «связи с потусторонним миром», способности вступать в контакт с душами умерших и получать от них информацию (6, 324). В контексте «Пиковой дамы» этот отрывок представляется весьма интересным.

В связи с «Летописями...» несколько в ином свете предстает выстроенный Пушкиным ассоциативный ряд: «дамские игрушки» — «Монгольфьеров шар» — «Месмеров магнетизм». Существует мнение, что причастие «изобретенные», объединяющее все три понятия («...разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом»), дает как будто некоторое основание интерпретировать и магнетизм, и воздушный шар на уровне механических игрушек, своеобразных «развлечений для дам», а вовсе не серьезных научных открытий. Технический призвук, который неизбежно возникает в современном со-

¹² См.: Дарнтон Р. Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции. М., 2021. С. 17–52.

¹³ Наглядным примером внутренней сопряженности этих двух явлений в сознании французов, современников Пушкина, может служить пассаж из воспоминаний А. Дюма, в котором, пытаясь дать определение животному магнетизму, известный романист, много раз сам присутствовавший на магнетических сеансах, сравнивает его с аэростатами (Dumas A. Mes mémoires. Montréal, 2012. Т. 3. Р. 413).

¹⁴ Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама» / Пер. с нем. А. И. Жеребина (I и II части). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2013. С. 318–319.

¹⁵ Эта книга, судя по каталогу Модзалевского, имелась в библиотеке Пушкина: [Hausset N. du]. Mémoires de Madame du Hausset, Femme de Chambre de Madame de Pompadour / Avec des notes et des éclaircissements historiques. Paris, 1824. Любопытно, что точно так же, как старая графиня у Пушкина, реагировал, по свидетельству госпожи дю Оссэ, на нелিপеприятные замечания в адрес Сен-Жермена и Людовик XV: «Король не терпел, чтобы о нем говорили с презрением и насмешкой» (Ibid. Р. 152).

знании при чтении данного отрывка, вкупе с устойчивым восприятием животного магнетизма как лженаучного явления, упорно подталкивает мысль в сторону негативных коннотаций. Так, О. Меерсон по поводу приведенной цитаты замечает: «Про Месмеров магнетизм сказано, что он был изобретен, а не открыт — то есть сам он дважды поставлен в контекст чего-то механического. Таким образом, Пушкин походя относит и шарлатанство к техническим *изобретениям* века Просвещения».¹⁶ Однако насколько правомерно подобное толкование применительно к пушкинскому тексту и словарию пушкинской эпохи?

Отчасти свет на этот вопрос проливает французский текст «Летописей круглого окна» и его русский перевод. Дважды в русском издании 1873–1875 годов Месмер назван *изобретателем* животного магнетизма.¹⁷ Однако в подлиннике это понятие выражено двумя разными, хотя и близкими по значению словами. В первом случае применительно к чудо-доктору употреблен термин более широкого семантического поля «*auteur*», который может переводиться не только как «автор», но и как «творец», «создатель» (8, 296); во втором — «*inventeur*» — «изобретатель», «автор», «создатель», «сочинитель» (8, 373). Согласно французским словарям, эти термины являются синонимами. Что же касается некоторого «технического» оттенка, который присутствует в слове «*inventeur*» и его русском эквиваленте «изобретатель», следует иметь в виду, что в конце XVIII — начале XIX века он был гораздо менее очевиден, нежели в наше время.

Например, О. де Бальзак, с уважением относившийся и к френологии Галля, и к физиогномике Лафатера, ни в коей мере не считавший эти науки *шарлатанством*, употребляет применительно к ним в «Луи Ламбере» причастие «*inventées*», которое переводится на русский как *изобретенные*.¹⁸ Ни механистического, ни технического призвука данное выражение в текст не привносит. Его использование, как можно понять из содержания всего пассажа в целом, связано, прежде всего, с мыслью о принадлежности целого ряда сверхчужденных явлений к области *научного* знания. В эту же сферу вписано у Бальзака и «открытие» («*la découverte*»)¹⁹ доктора Месмера, «важное и до сих пор еще недостаточно оцененное».²⁰

Не делает большого различия между понятиями «открытие» — «изобретение» и словарь Даля. В нем последнее толкуется как «то, что изобретено, придумано, открыто», т. е. не только как «измысл или вымысел», но и как

¹⁶ Меерсон О. А. Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей. СПб., 2009. С. 213–214.

¹⁷ Тушар-Лафос Ж. Летописи круглого окна: хроника частных апартаментов двора и гостиных Парижа при Людовике XIII, Людовике XIV, Регентстве, Людовике XV и Людовике XVI: [В 4 т.]. СПб., 1875 (обл. 1876). Т. 4. С. 311, 343.

¹⁸ Balzac H. de. Histoire intellectuelle de Louis Lambert. Paris, 1832. P. 134; Бальзак О. де. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 19. С. 252.

¹⁹ Здесь стоит обратить внимание также на то, что в современном переводе романа О. де Бальзака «Урсула Мируэ» слово «*la découverte*» переводится и как «открытие», и как «изобретение», что определенно указывает на семантическую близость этих двух понятий в русской языковой практике: «Открыв феномен магнетизма, Месмер приехал во Францию, куда с незапамятных времен являлись все изобретатели, желающие, чтобы их *открытия* получили права гражданства во всем мире»; «Впрочем, этот немец имел несчастье сам погубить свое замечательное *изобретение*, выказав необузданное корыстолюбие» (Бальзак О. де. Урсула Мируэ; Воспоминания двух юных жен / Пер. с фр.; [предисловие А. Пузикова; комм. В. Мильчиной]. М., 1989. С. 76, 77). Ср. оригинал: «Après avoir retrouvé le magnétisme, Mesmer vint en France, où depuis un temps immémorial les inventeurs accourent faire légitimer leurs *découvertes*»; «Mais, disons-le, cet Allemand compromit malheureusement sa magnifique *découverte* par d'énormes prétentions pécuniaires» (Balzac H. de. Œuvres complètes: en 24 v. Paris, 1869–1879. Vol. 5. P. 52, 53; курсив наш. — Н. П., Е. Р.).

²⁰ Бальзак О. де. Собр. соч. Т. 19. С. 252.

«открытие», как «умственная находка»; «изобретать» означает, среди прочего, «открывать что-либо новое», особенно «в науках, искусствах, ремеслах».²¹ Акцента на техническую сторону вопроса Даль не делает. Применительно к научной сфере понятие «изобретенье» у него фактически тождественно понятию «открытие».

На наш взгляд, именно в этом семантически нейтральном ключе следует понимать и пушкинскую ремарку о Монгольфьеровом шаре и Месмеровом магнетизме. Данная трактовка тем более правомерна, поскольку имеются неоспоримые свидетельства устойчивого интереса Пушкина к животному магнетизму.²² Достаточно вспомнить беседу поэта с А. А. Фукс, публикацию в «Литературной газете» заметки Д. М. Велланского²³ в защиту Турчаниновой, а также высказывание А. А. Кононова.²⁴ Небезынтересно отметить, что все три указания о вовлеченности Пушкина в круг магнетических тем относятся к самому началу 1830-х годов, ко времени, близкому к написанию «Пиковой дамы». Если верить воспоминаниям Фукс, Пушкин буквально въезжал во вторую болдинскую осень на волне мистических настроений, которые применительно к его мировоззрению больше принято именовать «суевериями». В продолжение всего ужина, как отмечает мемуаристка, по инициативе поэта за столом велся разговор о проблемах, абсолютно чуждых и неинтересных хозяевам дома: о животном магнетизме, «о посещении духов, о предсказаниях и о многом, касающемся суеверия».²⁵ Очевидно, что уже в это время творческое воображение Пушкина активно осваивало сферу «таинственного», продвигаясь в направлении «Медного всадника» и «Пиковой дамы».

По-видимому, неслучайно в сентябре 1833 года животный магнетизм в беседе с четой Фукс оказался в центре внимания. Как известно, в «Пиковой даме» его присутствие не ограничивается историческим контекстом. В отличие от дамских игрушек и Монгольфьерова шара он неоднократно «срабатывает» в повести на уровне сюжета. Под магнетическое воздействие попадает не только Лизавета Ивановна, чувствительная барышня, начитавшаяся сенсационных романов (в роли импровизированного магнетизера здесь выступает Германн, «часами пристально, не отрываясь смотрящий в окно Лизаветы Ивановны, своими черными глазами...»), но и главный герой, человек рационального склада, инженер по образованию, который сам буквально «загипнотизирован анекдотом Томского».²⁶ При этом, думается, профессия Германна отнюдь не является залогом его трезвого отношения к сверхчувственной сфере бытия. Среди современников Пушкина далеко не все представители точных наук считали животный магнетизм шарлатанством и обманом. Открыто в защиту феномена сомнамбулизма выступал, например, Матвей Степанович Волков (1802–1875 (1878?))²⁷ — военный инженер, экономист,

²¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. М., 1863–1866. Ч. 2. С. 653.

²² Эта тема достаточно подробно освещена в книге: Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989. С. 100–151.

²³ Велланский Д. Замечание на статью литературного Французского журнала: Le Furet // Литературная газета, издаваемая бароном Дельвигом. 1830. 17 марта. № 16. С. 128.

²⁴ По мемуарному свидетельству А. А. Кононова, Пушкин на одной из московских встреч в самом начале 1830-х годов «много говорил о Турчаниновой, которая тогда удивляла всех своим глазным магнетизмом; он сказывал, что она готовит о том сочинение» ([Кононов А. А.]. Из записок // Библиографические записки. 1859. Т. 2. № 10. Стб. 308).

²⁵ Фукс А. А. А. С. Пушкин в Казани // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 258.

²⁶ Шмид В. Проза Пушкина в поэгическом прочтении. С. 314.

²⁷ О животном магнетизме Волков писал неоднократно. См. его статью: Животный магнетизм. Магнитологические представления в Баден-Бадене, в июле 1844 года // Отечественные

видный ученый, профессор по курсу строительной механики, автор так понравившейся Пушкину статьи о пользе железных дорог. Если прав Алексеев и Германи действительно учился в Петербургском институте путей сообщения, то его сродство с Волковым оказывается еще более разительным: они фактически являются выпускниками одного учебного заведения.²⁸

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание еще на одну, чрезвычайно важную в связи с разговором об историческом контексте «Пиковой дамы» черту сочинения Тушар-Лафоса — компилятивность. При создании «Летописей...» автором были использованы многочисленные исторические источники: мемуарная литература, архивные материалы, письма, рассказы очевидцев. Таким образом, во многом данная книга является отражением характерных взглядов читающей публики на несколько веков придворной жизни Франции. И в этом смысле она, безусловно, значима, когда речь идет о попытке реконструкции представлений Пушкина о французских реалиях конца XVIII века. В принципе, расширение круга возможных источников «Пиковой дамы» за счет французской мемуарной и псевдомемуарной литературы, на наш взгляд, позволяет в ряде случаев внести определенные коррективы в трактовку как отдельных фрагментов, так и общих знаковых систем повести, формирующих на уровне символов семантическое поле текста. В частности, сопоставление пассажа, в котором присутствуют в качестве «символов эпохи» Монгольфьеров шар и Месмеров магнетизм, с соответствующими местами из известной книги Тушар-Лафоса «Летописи круглого окна» дает основания для переосмысления роли и места феномена животного магнетизма в творческой лаборатории Пушкина.

записки. 1845. Т. 38. С. 39–61; а также книгу: Волков М. С. Отрывки из заграничных писем (1844–1848). СПб., 1857. С. 80–81; 85–88; 91–92; 224–225 и др.

²⁸ Волков окончил Институт в 1821 году, позже являлся его преподавателем (см. об этом: *Виргинский В. С.* Начало железнодорожного дела в России: до 40-х годов XIX века. М., 1949. С. 16).